

Еще более ярко эта агрессивная тенденция византийских политиков проявляется в главах трактата „О народах“, посвященных Закавказью — Армении и Грузии (главы 43—46). Главу 43 („Об области Тарон“) составитель начинает торжественным заявлением: „Но довольно тебе, любимое дитя, рассказано о северных скифах, знание чего во всяком случае будет тебе со временем полезным и нужным. Тебе должно также знать и о землях, что на Востоке, каким образом они снова стали подвластны ромеям, после того, как сперва освободились от их владычества“.¹ Таким образом, Армения и Грузия интересуют автора исключительно с точки зрения возможности возвращения их под власть Византии. Византия еще при Василии I при содействии армянских феодалов сумела прибрать к своим рукам пограничные районы Армении. Одну из главнейших целей византийской внешней политики составляло дальнейшее внедрение в Армению. Византийские политики X в. считали, что только занятие высоких плоскогорий и горных хребтов Армении создаст прочный заслон Византии с Востока, обеспечивающий власть над Закавказьем, охрану кавказских проходов. В этом отношении Византия продолжала старые римские традиции. Обладание Арменией для парфянских и новоперсидских властей, с одной стороны, и римских, — с другой, было вопросом господства во всей Передней Азии. Борьба за Армению как бы перешла „по наследству“ от римлян и персов — к арабам и византийцам. Византийские правители X в. всеми средствами продолжали эту борьбу. Гфрёрер характеризует политику императоров Македонской династии в этом вопросе как мелочную, эгоистическую, алчную и коварную;² но вместе с тем, она отличалась известным упорством и настойчивостью. Деятельность императорских политиков в этих областях Закавказья была особенно напряженной в то время, к которому относятся известия в „De administrando imperio“.³ Отсюда происходил и интерес высших кругов Византийской империи к сообщениям из этих областей. Отсюда же — и знание внутренних отношений в них; осведомленность византийцев в этом вопросе возрастала вследствие переселения в пределы империи знатных армянских семейств, представители которых играли все возрастающую роль в системе государственного управления империи и порой достигали самых высоких чинов (таков, например, неоднократно упоминаемый Константином VII Мелия).⁴ Указанные обстоятельства объясняют нам содержание четырех глав трактата „О народах“ (главы 43—46) — об Армении и Иверии.

Политика империи, направленная к постепенному захвату этих стран, не могла бы иметь успеха, если бы византийцы действовали против воли местной правящей феодальной верхушки. Поэтому византийская дипломатия всячески стремилась привлечь на свою сторону представителей феодальных верхов областей Закавказья: она достигла в этом отношении определенных успехов. Эгоистическая феодальная олигархия Армении, в частности, добивалась прежде всего своих личных выгод, жертвуя интересами народа. И закавказские феодалы и князья, опираясь на Византию, получали лично для себя ощутительные выгоды: значительное ежегодное жалованье, часто — дворцы в Константинополе или доходные поместья в соседних провинциях империи, высокие придворные чины протоспафариев, патрикиев, магистров, которые выделяли этих

¹ De adm. imp., p. 159.

² A. Gfrörer. Byzantinische Geschichten, Graz, 1872—1877, Bd. III, S. 13.

³ Г. Манойлович. Этюды о сочинении „De administrando imperio“ императора Константина VII Багрянородного, стр. 64.

⁴ De themat., p. 33.